

и того же понятия научно-технической лексикографии. Это объясняется, по-видимому, тем, что научно-техническая лексикография является новой, молодой отраслью общей лексикографии, в которой многие понятия еще не устоялись и не нашли своего общепринятого языкового воплощения.

В заключение хочется пожелать, чтобы рецензируемая книга была переиздана достаточным тиражом, ибо она уже стала недоступной для широкого круга специалистов по информатике, терминологии, терминологии и др.

Арзинулов Х. А.

Бураев И. Д. Становление ЗВУКОВОГО строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.

Хотя русское и советское монголоведение за всю историю изучения монгольских языков, в том числе и бурятского, накопило довольно большой материал, касающийся проблем исторической фонетики, однако все проводившиеся до сих пор разнообразные исследования в этой области выполнялись преимущественно на фонетическом уровне, затрагивая эволюцию не всей системы, а ее отдельных звуков. Причинно-следственные связи и исторический фон, объясняющие ход и направление эволюции фонологических систем монгольских языков, до сих пор не были вскрыты. Атомарность в описании эволюционных процессов наблюдается и у таких крупных компаративистов-монголоведов, как Г. И. Рамstedт, Б. Я. Владимирцов, В. Котвич, А. Д. Руднев, Г. Д. Санжеев. Все это в значительной мере было обусловлено недостаточной разработанностью фонологической теории. Кроме того, сравнительно-исторические исследования в какой-то мере сдерживались из-за отсутствия материалов по ряду современных монгольских языков и диалектов.

В последние десятилетия после выхода в свет целой серии работ Б. Х. Тодаевой, Э. Р. Тенишева и других исследователей, посвященных ранее неизученным монгольским и тюркским языкам Китая, а также многочисленных публикаций по разным диалектам и говорам бурятского, калмыцкого и халхасского языков ситуация существенно изменилась. Появился огромный фактический материал, требующий обобщения и интерпретации с позиций достижений современной лингвистической науки, создания ретроспективной картины звуковой динамики монгольских языков на основе современной фонологической теории, сначала хотя бы по отдельным языкам этой семьи. Нам кажется, нет нужды доказывать, насколько актуальны и важны сравнительно-исторические исследования монгольских языков как сами по себе, так и в плане общей алтаистики.

Рецензируемая работа И. Д. Бураева, известного бурятского фонетиста-экспериментатора и фонолога, как раз и дает развернутую динамическую картину звукового строя бурятского языка, показывает эволюцию всей его фонетической системы в фонологическом аспекте, являясь по сути дела первым исследованием бурятского языка такого рода.

Последовательно проводя принципы фонологической теории в системном исследовании звуковых процессов, И. Д. Бураев впервые в монголоведении осуществил удачную попытку проследить эволюцию звуковой системы бурятского языка во взаимодействии внутренних и внешних факторов. В работе широко использован большой фактический материал из современных живых монгольских языков, их диалектов и говоров. В научный оборот при этом вводятся во многом новые данные по ранее неизученным бурятским говорам, значительная часть которых собрана лично автором монографии в условиях полевых диалектологических экспедиций. В процессе анализа постоянно привлекаются также факты из старописьменного монгольского языка, из древнетюркского и тунгусо-маньчжурских, главным образом эвенкийского, языков. Импонирующей особенностью исследования И. Д. Бураева является и то, что все свои изыскания он осуществляет на широком алтаистическом фоне.

Выполняя свои размышления в этом перспективном направлении, И. Д. Бураев пришел к очень важному для монголоведения выводу о решающем влиянии элементов эвенкийского и в какой-то мере тюркского субстратов на развитие звукового строя бурятского языка, о том, что в истории эволюции бурятского языка действовали процессы, появление которых было вызвано изменением родового состава носителей древнего бурятского языка, и что бурятский язык образовался как самостоятельный в семье монгольских языков именно в регионе Прибайкалья в результате скрещивания древних мон-

Большой заслугой И. Д. Бураева в данном случае является то, что он фактически впервые в монголоведении, опираясь не только на лингвистические, но и на археологические, исторические, фольклорные материалы, обстоятельно показал глубокие и разносторонние связи предков современных бурят с эвенками и убедительно доказал большое влияние эвенкинского субстрата на развитие звукового строя бурятского языка.

В предисловии определены цель и задачи работы, дана краткая характеристика предмета и источников исследования. Во введении рассмотрены общие внутренние и внешние закономерности развития языка, повлиявшие конкретно на эволюцию бурятской фонетики, общая теория субстрата, связанная здесь с историческими, археологическими, фольклорными, топонимическими, этнонимическими и другими данными, подтверждающими давность тесных контактов предков нынешних бурят с эвенками и тюрками в регионе Прибайкалья. Тут же, характеризуя диалектные материалы как один из основных источников сравнительного анализа фонетического строя бурятского языка, И. Д. Бураев обосновывает и дает новую классификацию бурятских говоров, предлагая вместо традиционного их деления на три наречия — западно-бурятское, восточнобурятское и южно-бурятское — сгруппировать все бурятские говоры (а их насчитывается 14) в четыре наречия: хоринское, эхирит-булагатское, аларо-тункинское и цонголо-сартульское. Нам кажется, это наиболее обоснованная точка зрения, так как она подтверждается достоверными фактами и экспериментальными материалами, добытыми как самим автором, так и всей диалектологической группой Отделения языкознания Бурятского института общественных наук СО АН СССР в течение десятков лет.

ногласия в определении первичных качеств аффрикат *си *\$, палатализованного *Л. И. Д. Бураев отдает предпочтение мнению, что вместо них были представлены среднеязычные фонемы

Уточнения И. Д. Бурова вне всякого сомнения заслуживают внимания. Но если второе из них достаточно подробно аргументировано с приведением различных точек зрения и подкреплено примерами, то первое звучит не совсем убедительно, ибо кроме утверждения, что палатализация как фонологический признак в алтайских языках появляется очень поздно и что более предпочтительным является предположение о том, что вместо аффрикат имели место среднеязычные неаффрицированные звуки *ʃ* и *ʒ*, никаких доводов не приведено, хотя это довольно существенная поправка к составу алтайского консонантизма, носящая принципиальный характер.

Q , Q , а также смычных b, g и шеле-
вых w, y звучит довольно убедительно, и
этот его вывод следует признать. Таким об-
разом, древнемонгольский консонантизм
состоял, по всей вероятности, из фонем
* p , * b , * m , * t , * d , * n , * k , * g , * t), * s ,
* $ʒ$ ¹ * $ʃ$ ². Из систем выпала
следующие аллофоны * q ³, * w ⁴, * y ⁵.

153

Во втором разделе на широком сравнительном фоне языков и диалектов с историческими экскурсами дается подробная характеристика каждой фонемы, ее эволюция и употребление в языке. Здесь же, кроме того, приводится лингвистическое обоснование влияния эвенкийского субстрата на развитие в бурятском языке *s в h, далее *с в s, что затем повлекло перестройку системы согласных фонем бурятского языка, выражившуюся в спирантизации *к в х, *СBS, *j в з, *S в z.

Вторая глава «Становление бурятского вокализма» построена по аналогичной схеме и тоже состоит из двух разделов. В первом разделе тоже сначала приводится алтайская система гласных фонем, состоящая из восьми кратких: *o, *ō, *u, *ū, *e, *ē, *ɔ, *ɔ̄. Далее автор доказывает правомерность выделения в алтайском языке кроме этих гласных еще таких же долгих восьми фонем, что и нашло отражение в его таблице общепалейских гласных фонем.

Анализ точек зрения и конкретного материала убеждает, что в древнемонгольском языке не было долгих гласных, а * $\bar{a}$ и * $\bar{i}$ не представляли собой самостоятельных фонем, будучи лишь позиционными вариантами одной фонемы * i . Поэтому в работе система древнемонгольского вокализма содержит семь фонем: * a , * o , * u , * e , * $\bar{e}$, * $\bar{o}$, * $\bar{u}$, * i , что хорошо согласуется с фонологической теорией и с монголистической традицией. Эволюция этой системы привела к 19 прабурытским гласным фонемам: a , o , u , e , $\bar{e}$, $\bar{o}$, $\bar{u}$, i , a , o , u , e , $\bar{e}$, $\bar{o}$, $\bar{u}$, i , ei , Hi , которые в основном сохранились в современном бурятском языке, и лишь дифтонги ei , ai , oi изменили свое качество: ei произносится как долгий e , ai — как дифтонг ж^е ai , oi как долгий монотонг ж^и, oi — как $o\bar{o}$, иногда как oz . Все долгие гласные вторичного происхождения.

Во втором разделе анализируется на широком сравнительном материале эволюция каждой гласной фонемы, объясняются происхождение долгих гласных в современном бурятском языке. Особое внимание уделено нейтральному гласному *i*, оказавшему значительное влияние на историческое развитие не только гласных, но и согласных фонем всех монгольских языков, в том числе и бурятского.

В третьей главе «Фонетические процессы и явления» дается анализ тех процессов и явлений в области консонантизма и вокализма, которые существенным образом отразились на становлении состава и системы фонем современного бурятского языка. В главе рассмотрены сингармонизм, спондантизация согласных, дополнительные артикуляции фонем (палата-

лизация, аблабиализация, назализация, фангизация), позиционное употребление, сочетаемость фонем и связанное с этим слоговое, а также типы слогов и корней. В этой связи заслуживает внимания то, что такое малоизученное в монголоведении явление, как сочетаемость фонем, тесно связанное с исторически сложившейся артикуляционной закономерностью бурятского языка и пронизывавшей всю его структуру, автор монографии тщательно изучил на большом лексическом и текстовом материале с привлечением ЭВМ, что позволило ему получить объективные данные по делимитативной, или разграничительной, функции фонем и установить в конечном счете разграничительные сигналы слогов, морфем и слов.

При этом следует особо отметить, что такое скрупулезное изучение типов корней бурятского языка позволило И. Д. Буряеву прийти к крайне важному для алтаистики выводу о том, что для бурятского языка характерны двусложные типы корней слов, в отличие от тюркских, для которых типичны односложные.

В довольно обширном заключении подводятся итоги всей работы. Мы полностью разделяем основной вывод монографии, гласящий: «Комплексное исследование результатов действия внутриструктурных и внешних факторов на развитие фонетического строя бурятского языка на широком фоне взаимодействия его с другими родственными и неродственными языками показало, что становление бурятского языка как одного из самостоятельных монгольских языков связано с околбайкальским регионом, что в целом он (бурятский язык. — Р. В., Ш. Л.) сохранил основные черты вокализма и консонантизма, восходящие к периоду первоначального единства монгольских языков» (с. 167—168). Наряду с этим автором монографии убедительно доказан и другой, не менее важный вывод о том, что развитие основных черт бурятской фонетики (таких, например, как интонационная специфика, появление *h* на месте *s*, отсутствие вследствие этого аффрикат и т. п.) связано главным образом с воздействием эвенкийского субстрата. Все выводы монографии подкреплены достаточно убедительным материалом и анализом и поэтому звучат аргументированно.

В то же время в этой безусловно интересной работе, представляющей собой заметный вклад в бурятское языкознание, имеются некоторые упущения.

1. Автор не уделил должного внимания более поздним языковым контактам и соответствующим заимствованиям, благодаря которым в современном бурятском языке появляются новые фонемы. Так,

многие исследователи не без основания пишут о появлении новых фонем *в, к, ф*, об изменении закономерностей сочетаемости согласных, позиционного употребления гласных и согласных звуков и т.д.

2. Утверждение о влиянии тюркского субстрата на развитие «переденных» гласных на месте твердых гласных в эхиритских говорах бурятского языка, не подкрепленное лингвистическими фактами, звучит малоубедительно и с ним трудно согласиться (см. с. 113).

3. В работе недостаточно использован калмыцкий материал, особенно по калмыцким диалектам, данные по ойратскому и баргутскому языкам. Этот материал в ряде случаев сделал бы выводы более убедительными.

Однако отмеченные упущения носят частный характер и ничуть не умаляют явных достоинств работы и ее общей высокой оценки. Автор монографии, посвятивший многие годы исследованию вопросов фонетики монгольских языков, особенно бурятского, поднял на этот раз глубинные пласты из наиболее трудной области бурятской фонетики. Работа, кроме того, что вносит много нового в современное сравнительно-историческое монголоведение, побуждает к дальнейшим изысканиям по многим аспектам исторической фонетики не только монгольских, но и других алтайских языков.

Рассадин В. И., Шагдаров Л. Д.

Шуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. Жукова В. П. М.: Русский язык, 1987. 441 с.

Издательство «Русский язык» в 1987 г. выпустило сразу два новых фразеологических словаря — «Словарь фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова и «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зимина, А. В. Филиппова. Объектом нашего рассмотрения является первый из указанных словарей.

Достоинство его заключается прежде всего в том, что впервые в лексикографической практике собраны воедино синонимические ряды фразеологических единиц. «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молотова, первое издание которого вышло в 1967 г. (М.), давал лишь отдельные ссылки на наличие у тех или иных оборотов фразеологических синонимов. Рецензируемый же словарь содержит около 730 синонимических рядов, расположенных по алфавиту опорных фразеологизмов.

Словарю предпослана статья, в которой излагаются теоретические взгляды авторов на фразеологическую синонимию и словарь фразеологических синонимов.

Под фразеологическими синонимами авторы понимают «...фразеологизмы с близким значением, обозначающие одно и то же понятие, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей ИЛИ (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно» (с. 4).

Каждая словарная статья тщательно разработана. Авторы приводят варианты фразеологизмов, входящих в синоними-

ческий ряд; дают ему грамматическую характеристику, в частности, указывают на то, в какой синтаксической функции выступают фразеологизмы, с какими членами предложения они вступают в связь; показывают семантические и стилистические различия между членами синонимического ряда; помещают иллюстрации. В конце словарной статьи обычно приводят семантически соотносительные синонимические ряды фразеологизмов или же фразеологические синонимические ряды с противоположным значением. Кроме того, нередко предлагается сопоставить синонимический ряд фразеологизмов с лексическим синонимическим рядом из «Словаря синонимов русского языка» (Л., 1976; ниже — СС). В качестве примера приведем следующую словарную статью: «БАБУШКИНЫ (БАБЬИ) СКАЗКИ (ед. не употр.; разг., неодобр.), НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ (устар., разг., шутил. ирон.), РАЗВЕСИСТАЯ КЛЮКВА (мн. не употр.; шутил.-ирон.). Явно неправдоподобные, не соответствующие действительности сведения, известия. Развесистая клюква — неправдоподобное сообщение, обнаруживающее полное незнание с предметом; выдумка, небылица.

Раньше считалось: раз у малыша пошли зубки, будет обязательно болеть живот. — Но современная наука заявляет: это ерунда, бабушкины сказки, зубки зубами, а живот не имеет к этому отношения. Н. Соколова, Какого цвета разлука. С Б а б ь и с к а з к и (прост.). — Я, впрочем, не придаю этим бабьим сказкам важности. Достоевский, Братья Карамазовы. — А верно, что над пленными большевики издеваются? — Бабьи сказки/ Офицерские вы-